

ЯН СКАЦЕЛ

*Перевод с чешского Сергея Скорвида **

Песня о ближней вине

Источник есть который крови полон
оттуда каждый в этой жизни пил
кто походя убил в лесу синицу
кто перед ближним смертно согрешил

Иной об этом горько сожалел
воды кроваво-красной зачерпнул
на свет на цвет ее смотрел со страхом
и холодел но не захохотал

И пригоршню держа не удержал он
сквозь пальцы наземь пролил кровь с водой
Потом кайлом махал в каменоломне
взывая тщетно к камню: упокой

Так пригоршню держа не удержал он
и холодея не захохотал
А тот источник весь багров от крови
и каждый в жизни раз к нему прильнул

* Ян Скацел — Стихи (*Перевод с чешского Сергея Скорвида*) // *Меценат и Мир*, 2003, № 21–24. Так как текст журнальной публикации не был согласован с переводчиком, подборка, помещаемая в настоящем издании, отредактирована заново. (*Прим. перев.*)

Некоммерческое электронное издание. «*Im Werden Verlag*», 2007.
<http://imwerden.de>

Южная Моравия

Пусть разберет, кто хочет, наши вины...
Как хороши ночной порой равнины,
где абрикосов сок
кропит тугую рожь;

где ночью гнется сук, пособник дел заплечных,
под татем злым,
что отбирал у встречающих

любовь — и вздернут за грабеж!

Улица

Кому за улицу сказать спасибо
ту что была ты помнишь вся в меду
Шекспировская ночь сменить спешила вечер
и нам в суфлеры выслала звезду

И вот внизу меж ульев новостроек
дух Гамлета явился нам на миг
а в мрачных кронах лип Офелия тонула
и был с кувшинкой сходен лунный лик

А мы не ведали кому сказать спасибо
за терпкий запах лип и вещую звезду
и улицу в ночи меж ульев новостроек
ту что была ты помнишь вся в меду

Кто

Кто розу в грязь втоптал над времени потоком,
который мерно вдаль несет за часом час,
туда, за синий лес, где шепчет незабудка:
праматерь ульев, заступись за нас?

Праматерь ульев, среди троп заклятых
затерянных, с их немотой вверх дном...
В тот день, когда взойти забудет незабудка,
по тропам тем вернемся мы в свой дом.

Земные блага

Из благ земных люблю я пламя
и с чернью серебро живое звезд
за поясом у ночи.
Также
старинные слова, какими
мужчину посвящали в рыцари:
Ты эти три стерпи удара — но не боле!

Из благ земных люблю весенний день,
что надевает на коней ретивых
уздечки синие
и розовые седла,
и так из года в год.
Поистине весна — затея славная.

Еще, не скрою, из благ земных мне дорога любовь,
та давняя,
какая не ржавеет.
И вот в который раз я повторяю:
Для нас теперь — вчера,
сегодня — впереди,
а завтра в прошлом.

Ты эти три стерпи удара — но не боле!

Открытие Яна Скацела

Как-то так сложилось, что имя Яна Скацела (1922—1989), поэта, право же, из лучших в XX веке, оставалось до сей поры малоизвестным в России. Нет-нет, открытие его российскому читателю — не моя заслуга: первая большая подборка Скацела появилась в 1990 году в журнале *«Иностранная литература»* на волне возникшего тогда интереса к «бархатной революции», а заодно и всему чешскому вольнолюбию. Поэтому нижеследующие заметки будут, так сказать, всего лишь моим маленьким сочинением на вольную тему «роль Скацела в жизни меня». Впрочем, примерно так же начинает свое предисловие к подборке в *«ИЛ»* О. М. Малевич, который имел счастье встретиться со Скацелом еще в канун «пражской весны» и на берегах Невы беседовать с ним о свободе...

Я же учился чешскому языку десятилетие спустя — помимо прочего, в Праге. Так вот, когда одна из моих первых преподавательниц чешского Алена Трнкова захотела мне на прощание в Праге что-то подарить, она зашла в книжный магазин и купила маленькую книжечку Скацела, присовокупив: «Скацела я обожаю». Как раз из этой книжечки в основном взяты стихи, которые были опубликованы в журнале *«Меценат и Мир»*. Но не только оттуда. Текст «Песни о ближней вине», снабженный подстрочным комментарием редактора «Любимое стихотворение Ярослава Сейферта», я нашел позже в *«Ревю Открытой Культуры»*, или сокращенно *«ROK»* (что по-чешски одновременно значит «год»), в первом номере за год 1992, целиком посвященном юбилею Скацела. Но как ко мне в руки попал этот журнал — отдельная тема.

Моя жена Инна Безрукова, сейчас известная переводчица с чешского и польского, училась чешскому языку в основном в Брно. Я же, как было сказано выше, учился в Праге — однако во время летних школ, которые проводились параллельно, мы друг друга навещали. В результате я всего лишь два раза побывал в Брно, но оба эти посещения незабываемы... Инна ввела меня в круг ее брненских знакомых, которые все поголовно почитали тогда еще здравствовавшего Яна Скацела. Насколько я успел понять, для Брно фигура Яна Скацела была равнозначной фигуре Богумила Грабала в Праге. То же посиделки в пивных в кругу друзей, те же философские беседы... Я, к сожалению, не попал ни на одну из них. Когда же в 1989 году Скацел умер, мой и моей жены общий друг Иржи Кршиж, который как раз и издавал журнал *«ROK»*, организовал даже фонд в поддержку публикаций Скацела, анонсируя, что его переводы выходят на разных языках, в том

числе на русском. Не знаю, что с этим фондом сейчас (скорее всего он уже не существует, как и журнал), однако я рад, что хотя бы несколько стихов Яна Скацела вышло по-русски в моем переводе.

А насчет Брно еще вот что... Скацел писал свои стихи, конечно же, на чешском языке, но по-моравски. В этом — кроме всего прочего — их своеобразный шарм. Но как передать в переводе его моравизмы, такие, как в стихотворении «Южная Моравия»: *marhule, řež* (по-чешски *тегуйьку, žito*)? По-русски получилось: «Где абрикосов сок кропит тугую рожь...», причем сочетание абрикосов с рожью само по себе высвечивает характер Моравии, я лишь сильнее связал одно с другим, добавив «сок кропит», — но выразить это на лексическом уровне не удастся!

Нет-нет, не то чтобы чешская словесность была разделена резкими «краевыми» границами. Она образует вполне единое литературное пространство, но это единство кое в чем все же различных уголков Центральной Европы... И в этом смысле Ян Скацел — поэт одновременно моравский, чешский и, наконец, европейский.

В объемной антологии «*Чешская поэзия*», вышедшей в серии «Из века в век» в 2005 году, Скацел хотя и упомянут (в предисловии, как мораванин), однако стихов его там нет... Что ж, пусть здесь будут.

СЕРГЕЙ СКОРВИД

Об авторах

Ян СКАЦЕЛ (JAN SKÁCEL; родился в 1922 г. в Восточной Моравии, умер в 1989 г. в Брно) — чешский поэт, прозаик и публицист. В 1963—1969 гг. был главным редактором культурного ревью *«Гость в дом»* (*“Host do domu”*). До 1968 г. выпустил пять сборников стихов: «Сколько шансов есть у розы» (*“Kolik příležitostí má růže”*, 1957), «Что осталось от ангела?» (*“Co zbylo z anděla?”*, 1960), «Пора меж волка и собаки» (*“Hodina mezi psem a vlkem”*, 1962) и др. После 1969 г. запрещен, долго мог публиковаться только в самиздате и за рубежом; избран членом-корреспондентом Баварской Академии изящных искусств в Мюнхене. В 1980-е были изданы сборники «Давнее просо» (*“Dávné prosa”*, 1981), «Надежда с буковыми крыльями» (*“Naděje s bukovými křídly”*, 1983), «Отливки в потерянном воске» (*“Odlévání do ztraceného vosku”*, 1984) и «Пьющий впотьмах вино» (*“Kdo pije potmě víno”*, 1988); посмертно вышли «Ночь с Вестоницкой Венерой» (*“Noc s Věstonickou venuší”*, 1990) и «Снова любовь» (*“Znovu láska”*, 1991).

СКОРВИД СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ (род. в 1958 г.) — филолог-славист, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета МГУ им. Ломоносова. Переводит прозу и поэзию с чешского, словацкого, польского и серболужицкого языков. Член творческого союза «Мастера литературного перевода».